

Казалось, даже облака мешали Николаю сохранять внутреннюю концентрацию. Они соединились звеньями в цепи и, образуя причудливый рисунок кольчуги, защищали космос от земной суеты, отражая её обратно, ближе к человеку. Сильный ветер быстро рвал облачную броню, но следующий ряд стежков напирал откуда-то сзади и восстанавливал бреши в полотне защиты. Порывы ветра ощущались даже внутри, несмотря на бронированный каркас оконного стекла. Николаю нужна была тишина, которой не было уже много лет. Он ожидал взаимопонимания, причём не того, когда один бросает другому: «Да-да, я тебя слышу», – словно мячик в стенку, который, согласно физике, отлетает от поверхности с той же скоростью. Нет, ему было необходимо, чтобы этот мячик увяз в стене и был поглощён ею, как море вбирает в себя корабли, делая их водой, как джунгли поглотили некогда великую цивилизацию Майя, впитав в себя все её достижения. Николай хотел вывести телепатию из зоны эзотерики и сделать её достоянием не только ясновидящих, но и всего человечества. Но и это было только полдела. Николай желал, чтобы человечество начало мыслить когерентно, когда вдруг из одного кванта света рождается мощный источник лазерного излучения, когда один упавший камешек сцепляется с остальными, будто бы у него появились руки, и увлекает их с собой куда-то вниз, а может быть, и вверх, создавая мощную лавину, сносящую все прежние спайки, заполняя пролежни: жадность, глупость, страх.

«Иначе всё зря!» – подумал Николай, и ему вспомнилось то трагическое воскресенье, когда погиб Вениамин, его ближайший друг-физик, во время обрушения кафе «Старбакс». Ему вспомнилось спасение Наташи, тогда ещё незнакомой девушки. Ему вспомнился вероломно развязавшийся затем узел, завязанный им, Николаем, и падение Вениа-

мина, его прощальный взгляд, который Николай помнил всегда. Как мгновение пролетели события двадцатилетней давности: последующая поездка в Новороссийск, попытка побега из страны, арест и лагерь в Норильске. Всевидящая система через красоту порядка проникала в сознание каждого человека, не позволяя ему идти против, – она, ничего не делая, заставила шкипера предать Николая. Сейчас тот бунт казался Николаю наивным и смешным, уже позже он понял, что с системой можно бороться только системно.

– Хорошо, что тебя тогда не подслушивали в проходной норильского завода, а то бы ты до сих пор содержался в изоляции. Будь осторожен, – устало бросила Наташа, не прочитав, но угадав мысли Николая, и отступила от окна.

– Наташенька, потерпи. Давай попробуем сосредоточиться ещё раз, – взмолился Николай и продолжил:

– Я увеличил дозу идеалина. Я сейчас, должно быть, весь свечусь! – встал он на цыпочки.

– Смотри не сгори. А то разлетишься тысячами мыслеобразов, где я тебя ловить буду? И я всё равно не понимаю, как я должна догадаться, что это твоя мысль, а не моя собственная, только что пришедшая мне в голову? – Наташа попыталась схватить что-то невидимое над головой Николая, что-то ускользающее, будто ловила мечущегося мотылька и наконец заточила это что-то в ладонь и прижала к собственному виску.

– Ну уж, ты же своё платье от чужого отличаешь и в чужом, пока не привыкнешь, чувствуешь себя неловко. Так же и с мыслью. Когда она возникнет, ты ощутишь что-то внешнее, не твоё. При этом платье ты выбираешь сама, поэтому отторжения, как в случае навязанного чужого мнения, не будет. Моя мысль должна чётко прийти к формам твоего думания. Хотя, если бы я тебя не предупредил, ты

могла бы и не заметить, что ходишь в новом платье. Может, тебе кофе налить? – размяк несколько Николай и присел на краешек стола. Но тут же подпрыгнул – ударили басы старого рок-н-ролла, одновременно возникла голограмма руководителя полётов Наташи Сергея Грибанова. Это, словно лампа Аладдина, раскрылся экран лежащего на полу Наташиного голофона:

– Добрый день! Извините, что вторгаюсь в выходной день, но я с приятными лично для вас новостями. Из-за ураганного ветра отменены полёты аэробусов сегодня и завтра. Что будет дальше, я сообщу. Мы двести лет думали, что победили природу, но никто и представить себе не мог, что ветер может дуть со скоростью больше двухсот километров в час. Так что для всех остальных эта новость – полное дерьмо. Ждём у моря погоды. Надеюсь, дождёмся. Всего! – Сергей ухмыльнулся и, словно джинн, выполнивший свою задачу, утёк обратно в лампу-голофон. Он так же быстро покинул квартиру, как и появился. Это была даже не квартира, а капсула в многоэтажном капсулоиде, комфортабельная пещера площадью около пятнадцати метров, поделённая на две части – гостиную и спальню, где стояла старомодная кровать, напоминающая о двадцатом веке.

С тех пор как на Земле начали дуть сильные ветры, и перемещаться наземным транспортом стало практически невозможно, решили совместить подземный транспорт и квартиру в едином корпусе. Одним росчерком пера люди, словно улитки, начали таскать с собой свои дома. И теперь в метрополитене вместо поездов перемещались разной длины капсулы – по их размеру можно было определить доход владельцев, но даже самые большие капсулы были не больше тридцати квадратных метров. Двадцатый век, деливший людей, словно корабли, на частные морские лайнеры и утлые лодочки, остался наверху. Но людей там не было! На поверхности земли не осталось никого! Даже жители Питера, где сейчас проживали Николай с Наташей, повидавшие на своём веку разные ветры, уже давно не выходили на поверхность. Метеорологи обещают, что лет через пятьдесят атмосфера должна успокоиться, и установится новая роза ветров. Климат, словно разъярённый медведь, вставший на задние лапы, должен опуститься, отвернуться, будто бы ничего не произошло, и продолжить есть свою малину. Но вернётся ли жизнь людей к прежнему состоянию? Пока медведь бушевал, он сломал множество деревьев и разрушил несколько муравейников. Да и захотят ли поколения, родившиеся уже под землёй, снова увидеть испепеляющее солнце, проливные дожди и холодные снега? Здесь, внизу, всегда одна комфортная температура и влажность, оптимальная для работы лёгких, и нет раздражающей феерии цветов и звуков.

А пока что таяла Гренландия, что, в свою очередь, происходило из-за болтанки оси вращения Земли. Где-то истёрся подшипник, и появился многокилометровый зазор, превышающий все до-

пуски для нормального функционирования планеты. Было ли это из-за деятельности человека, или просто Земля решила немного подвигаться после спячки, длившейся много миллионов лет, достоверно не знали. Земные города преобразились всего за десять лет – безропотные роботы могли строить и днём, и ночью. Но даже они не помогли, если бы не Марс. Переезд под землю стал возможен благодаря технологиям, приготовленным для его освоения. Тот сумасшедший проект много лет назад закрыли – растения на Марсе быстро погибли из-за бактериального нашествия, и там наступил кислородный голод. На Марсе не оказалось тех, кто питался этими бактериями на Земле. Зато наличие марсианских технологий и бактериальных хищников – различных грибов и червей – помогло реализовать сверхчеловеческий проект на Земле. Как это ни удивительно, но не волки и тигры регулировали численность популяций, а именно этот незаметный, в некотором смысле, тоже подземный, невидимый мир червей, грибов, бактерий и вирусов.

Большинство зданий пришлось снести – картину обрушения «Бурдж-Халифа» транслировали по всем каналам. Его, словно Гулливера, поставили на колени и отрубили голову. Теперь царствовали лилипуты. Этажность городов резко понизилась. Мощные капсулоиды доходили только до десятиэтажной высоты. Каждый имел стеклянную поверхность, на которой транслировались пейзажи прошлого, создавая иллюзию настоящего, – стаи летящих высоко в небе гусей сменялись картиной завтрака самки паука «Чёрная вдова». В центре каждого капсулоида находился центральный лифт, опускавший капсулу с этажа на уровень метро, где царил жёстко управляемый хаос. Наверное, так должен выглядеть ад. Хотя обычная грибница имеет подобный интерфейс управления своими нитями-мицелием, расплзшимися на километры, и не слишком страдает от их запутанности. Электронный навигатор, словно пастух из преисподней, перегонял капсулу в новую точку, например, к Подземному серпантину, где жители могли размять ноги и побегать, или в ТЦ «Москва» площадью более миллиона квадратных метров, где без навигатора можно было заблудиться, как в джунглях. По прибытии в любую точку дисплей показывал свободное место в ближайшем капсулоиде и автоматически направлял туда капсулу. Переезд под землю заметили не все, те, кто проводил много времени в ТЦ и знал его также, как знал папуас свои джунгли, не заметил, что лишился этих джунглей.

Для тех, кто родился наверху, жизнь разделилась на до и после. Они нередко вспоминали тот облик земли, напоминающий прилавок богатого купца на ярмарке, – есть всё, что пожелаешь. Николай частенько ностальгировал и жаловался, что нужно было чаще выбираться в то время на природу, чтобы пропитаться лесом, рекой, сеном. Иногда он вспоминал старую Москву:

– Как я скучаю по такси-геликоптерам. Помню, как под вечер летал на запад Москвы в район

«Динамо» к родственникам, и озарялась закатом «Москва-сити», и пылала, как мировой пожар, и брызги разлетались аж до самого Кремля.

И только перемещения между городами по-прежнему осуществлялись при помощи аэробусов. В стратосфере ветры, при всём их неугомонном стремлении, не могли достать самолёт. Оставались только две нерешённые проблемы – взлёт и посадка. Несмотря на сверхбыстрый вертикальный подъём, пассажирам часто приходилось по часу ждать, пока образуется ветровое окно. Уже несколько лет, как начали строить подземные междугородние тоннели, но пока подобная связь была между самыми крупными городами. Стало ясно, что если скорость ветра достигнет критической точки в двести пятьдесят километров в час, то Наташина профессия стюардессы будет достоянием книг, уже ставших, в свою очередь, достоянием электронной базы данных. Так же, как некогда исчезли профессии водителя и актёра, так и она может не успеть доработать до пенсии в сорок лет.

Картинки прошлого продолжали обжигать Николая своим холодом, он вспомнил последний год лагерей в Норильске, когда климат начал быстро меняться. Той зимой, кроме ледящей температуры минус сорок, добавляли ужаса сильные ветры, превышавшие отметку в сто километров в час. Даже минутное пребывание на улице без защитного скафандра приводило к обмороживанию лица – образовывался естественный ледяной скафандр. Он вспомнил неуклюжие, но очень памятные попытки поцеловаться с Наташей, когда она приезжала в гости.

– Наташ, ты говоришь об осторожности, но ведь тогда у меня всё получилось. Идея объединения человечества была выпущена на волю. И что же, посмотри, государства уже десять лет как сформировали единое правительство, и военное противостояние ушло в прошлое, как княжеская междоусобица. И, кстати, не рискни я тогда сбежать из Москвы, не быть нам с тобой вместе, наш брачный пазл не вписался бы в общую систему, – Николай провёл ладонью по длинным волосам Наташи и уткнулся в её плечо, но рука быстро нашла путь и сбежала вниз, остановившись на талии. Вместе с приятным волнообразным чувством, поднявшимся

по руке вверх и опустившимся в сердце, в голове возникли образы прошлого, когда судьбу вершил всезнающий Тест, решавший в школьном возрасте – кем ты будешь, и в юношеском – с кем.

– Коль, но иерархия осталась! И поэтому несправедливость неискоренима! Ха, посмотри! – Наташа пыталась привлечь внимание Николая к иллюминатору и притянула его ближе. Случайно их капсула разместилась на пятом этаже капсулоида, стоящего на краю Санкт-Петербурга. Этот край города раньше назывался Всевожском и был зелёным и лесистым.

– Посмотри, я не видела таких деревьев! У них нижние ветки вросли в землю, – Наташа удивлённо смотрела на чудо природы. То, что простиралось по земле до самого горизонта, сложно было назвать лесом – все деревья выше двух метров давно повалило ветром, и теперь лес напоминал тундру. Но несколько деревьев были выше остальных – они, словно руки, расставили ветви пошире, опершись на них. Концы их нижних толстых веток глубоко ушли в землю, создав монолитный каркас. Это помогло им выдерживать удары порывистой, разъярённой атмосферы, когда помимо сильной ветровой нагрузки им приходилось испытывать мощные оплеухи дождя и града. Было такое ощущение, что этим деревьям в школе преподавали сопромат.

– Да, это необычные ели. Захочешь жить, не так раскорячишься, – пришла в голову Николая цитата из какого-то старого фильма, где корова, долетев до финишной точки на самолёте, отказывалась выбираться из люка, расставив широко копыта.

– Коля, ты сейчас про корову подумал!? – спросила Наташа.

– Да! Да! Да! Получилось! Все знаки бога налицо, скрутила жизнь бензол в кольцо, – вспомнилась юношеская прихватушка, глаза Николая светились.

– Мы перешагнули порог невесомости, теперь осталась сущая ерунда – сориентироваться в безвоздушном пространстве и адаптировать открытие под всё человечество, – Николай обнял Наташу. – Теперь расстояние между нами сократилось ещё больше, – он нежно подул ей в ушко, имитируя поток мыслеформ.